

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.2

Интеллектуальный катарсис

© В. В. Ильин

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), Калужский филиал
Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.

Email: vvilin@yandex.ru

Автор на основе идеи аутопоэзиса системы человеческого восприятия и мышления обосновывает тождество истины и красоты. Это тождество обнаруживается в результате проявлений «интеллектуального катарсиса», присущего эвристической деятельности субъекта. Деятельность мышления субъекта регулируется механизмом умственного упорядочения. Прежде всего, это упорядочение по красоте (простота, эвристичность, импозантность, компактность и т.п.). Красота как превышение нормы не имеет логического обоснования, но имеет системное оправдание – по отвечающей назначению форме. Отвечающая назначению форма – гармонична: онтологически это проявляется в эффективности, целесообразности, оптимальности как «жизненная сила»; эпистемически это проявляется в достижении глубины и совершенства как «умственная сила». «Умственная сила» трактуется следующим образом: формально – как логическая замкнутость, состояние мыслительной интегрированности, признанности частей в целом; содержательно – как синтетическая связность, объединенность элементов в систему по единству понимания. Единство понимания – высшее консолидирующее начало работы мышления субъекта на базе разумной потенции души. Разумная потенция души эмерджентна по своей природе: разум самовозрастает изнутри посредством генерации антиципирующих понятий, получаемых творческой аутопоэзисной разработкой перспективных идей по законам тропного коннотативного вообразительного свидетельствования. Рабочий режим воображения – интеллектуальный просмотр возможностей – поддерживается в передаточном механизме техниками спонтанного изменения мира, фантазмагорических метаморфоз. Не в реалесе (удвоение – раздвоение действительности в паранойе), а в ввергающем в кондициалис тропном сочленении материала мысли, материала речи по законам гармонии, красоты.

Ключевые слова: симметрия, гармония, совершенство, простота.

Под интеллектуальным катарсисом понимается всеохватное эстетически-эмоциональное переживание идейной значимости творения (сочинения – изобретения), вызванное восхищением красотой его формального строя, духовным подъемом от ощущения мощи его содержательной глубины. По характеру назначения переживания катарсис – явление ценностно-оценочное. По характеру его (переживания) формирования катарсис – явление художественно-смысловое. По характеру дискурса катарсис – явление не рефлексивное, т.е. не останавливающее процесс, но способствующее его пониманию, продлевающее и углубляющее это понимание на основе переживаний субъекта.

Суммирование характеристик легитимизирует оригинальный гносеологический топос – цельное катарсическое переживание. В нашей мысли подчеркнем «цельное». С теоретико-познавательной точки зрения катарсис синкретичен – и именно в ключе синкретичности и должен быть истолкован.

Истолковать в «ключе синкретичности» означает истолковать под эгидой унитарной позиции, где ценностно-оценочное и художественно-смысловое отношение приведены в экспозиционную связь, позволяющую глубину понимания достигать через красоту; красоту же «схватывать» через глубину понимания.

Общей интуицией, черпаемой из обобщения опыта научной работы, оказывается интуиция предметности работы воображения (обоснование через учет эффективности огромной практики использования): раскрепощающее мысль, создающее миры и населяющих их героев творческое воображение – не фабрика грез; выступающее креативным ресурсом производства новых типов реальностей, творческое воображение олицетворяет фундаментальную архетипическую убежденность коренной связи Идеи и Мира: Мира, принимающего форму Идеи (1); Идеи, принимающей форму Мира (2).

(1) – распредмечивание: мыслетворчество; (2) – опредмечивание: миротворчество. Отвлекаясь от мироустройства (2), воображение преуспевает в сосредоточении на миропредставлении (1).

Как можно определить ту почву, на которой сходятся воображение и реальность, происходит синтез возможности и действительности? Представляется, такую почву точнее всего можно определить как «позицию познания», равноудаленную от наивно-реалистической созерцательности и от нарочито-разрушительной условности. Познание – как «беллетристика», озабочено выпуском «романа» (откуда символичность); но – как наука, озабочено выпуском «романа фактов» (откуда реалистичность). По этой причине продукты научного творчества – познавательной-вообразительной деятельности – востребуют комплексной художественно-смысловой оценки.

Общепонятная основа выявления совершенства – художественность, удостоверяемая «без посредства понятия» (Кант). Решающими пребывают интенции «природной изначальности» в виде диспозиций нейроэстетики, закономерностей восприятия как активного физиологического процесса (музыкальный ритм воспринимается левым, мелодия распознается правым полушарием; темпоральная организация стихотворного размера совпадает с темпоральными особенностями работы слуховой системы; восприятие целеориентировано на фиксацию порядка, т.е. количественной меры: по чувству гармонии зрительного восприятия предпочтительнее обозрение фигур с соотношением сторон $\approx 1:1.62$, – удовлетворяющих «золотому сечению», правилам гармонического деления (хорошая фигура – совершенно, т.е. симметрически выстроенная, чему не отвечает, скажем, архитектура барокко, нарушающая правильность – отход от умиротворения – и, следовательно, внушающая беспокойство, смятение)) [7]. Симметричность, упорядоченность пробуждает удовлетворение, возникающее как паузальная реакция наслаждения на распознавание гармонии – равновесия в воспринимаемом порядке и хаоса.

Художественность эстетически во многом конституируется природной подкладкой оценки явлений в отправлении перцептивных актов. Художественность ноэтически не имеет натуральных предтеч – опосредствований собственного установления. Не имеет и не может иметь художественность и логических способов самоконституирования. В отсутствии природных и логических «скреп» засвидетельствования художественности, причастие высокому в ноэме выявляется умопостижательно: уяснением принципа порождения, сотворения концептуальной продукции.

Сотворение, порождение как инициативный производительный процесс есть перекрытие границ наличного пополнением его избыточным. Подобное пополнение протекает как свободный – неалгоритмичный – бросок мысли, что подкрепляет резон толковать его как знак божественного вмешательства (ссылки на сверхъестественный гений, наитие). Небезосновательно: вполне свободно – превыше разума – творит Всевышний, которому в демонстрации продуктивности подобны мы, производя «не-сущее».

Получением последнего обостряется проблема качественной характеристики инновационного. (В регистре «миростроение» обостряется проблема гармонизации сущего (наличного) и «не-сущего» (инновационного), – проблема, как показывает опыт теодицеи, технически (автоматически) не решается ни в случае первотворца, ни тем более в случае его несовершенных подобию. В принципиальной постановке проблема отчасти обсуждена нами ранее [3], отчасти будет обсуждена позже. В контексте предпринимаемого изложения актуализируется лишь вопрос оперативной квалификации воображаемых результатов «по понятию»). Наша линия заключается в том, что в ноэме – в дефиците решающего инструмента оправдания продуктов разумного творчества на состоятельность – верифицирующей процедуры – руководствуются довольно тонкими опосредствованными техниками оценки результатов на приемлемость – техниками уяснения принципов их создания, увязывающих «глубину» с «красотой».

Идеал знания – предметная достоверность – причастность StatusRerum (SR) вкупе с всесторонней логической обоснованностью отображающих его (SR) символических форм (SF). Универсальная адекватность комбинации SR + SF – вещь достижимая для крайне худосочного свода тривиальных истин (положения логики высказываний, простейшей арифметики, элементарной геометрии, наглядной физики, аттестуемые логической непротиворечивостью, материальной истинностью), образующих базис эвидентности познавательной деятельности.

Нетривиальная ситуация познания, имеющего дело с неполными, аподиктически вероятными, правдоподобными, условными системами, гносеологически имеет вид (SR + SF) + (BK + BC) [2], отображающий историю прогрессирующего знания в науке исканий («переднего края»). К положениям ищущей науки исходно бессмысленно применять жесткие требования достоверности, универсальности, необходимости; следует открывать кредит на преодоление трудностей, оценивая расширяемые воображением горизонты, потенции.

Такого рода кредиты открывает «красота», являющаяся индикатором присутствия равновесия, гармонии, меры, т.е. наличия (косвенно) онтологических и одновременно эпистемических преимуществ. И природа, и истина – красивы. Природа – конструкционно, истина – образительно.

Красота природы. По намеченной фундаментальной философией трактовке с Аристотеля, Фомы, Альберти и далее красота (прекрасное) семантизируется конструкционно: законы строения (архитектура) действительности описываются абстрактными концептами уравновешенности, гармоничности, пропорциональности, симметричности, упорядоченности, соразмерности, созвучности, ритмичности, ясности, определенности формы, габаритов, размеров, изобличающихся равновеликостью, согласованностью меры.

В древнегреческом наивно реалистическом миропредставлении Вселенная, Мир прекрасны, рефлексивное отображение чего обслуживает антитеза «космос – хаос». Первый вбирает положительные признаки бытия в ориентации на оформленность, соразмерность, соот-

носительность, пропорциональность, взаимосоответственность, однородность, сопоставимость, ладность, сравнимость. Отсюда – считываемость, укладываемость в типологии «меньше-больше», «равно-неравно», – капитальные для становления «счета величин». Сугубо математические когнции «величина», «счет» в продумывании их мета-физических предтеч опираются на миропредставительную космичность – гармоничность. Общеизвестна аксиоматика:

A₁: a, b соотносятся друг с другом тройко – $a = b$; $a < b$; $b < a$.

A₂: транзитивность «меньше-больше», – если $a < b$, $b < c$, $a < c$.

A₃: для любых a, b есть c – $c = a + b$.

A₄: коммутативность сложения – $a + b = b + a$.

A₅: ассоциативность сложения – $a + (b + c) = (a + b) + c$.

A₆: монотонность сложения – $a + b > a$.

A₇: возможность вычитания, – если $a > b$, есть c – такое, что $b + c = a$.

A₈: возможность деления, – каково бы ни было a и натуральное число n, есть b – такое, что $nb = a$.

A₉: аксиома Евдокса (Архимеда): для a, b есть натуральное число n – такое, что $a < nb$.

Аксиоматика A₁–A₉, фундирующая возможность элементарной математики, не может ни сложиться, ни состояться вне апелляции к космическому миропорядку, онтологически и эпистемически оправдывающему «счет величин».

Второй концентрирует негативные атрибуты бытия через призму отрицания гармоничного: дисгармоничное, бесформенное, бессвязное, разупорядоченное, разлаженное, безобразное, не могущее быть соразмерным, иметь считываемые, выражаемые величинами образы (ср.: кризис математики в античности, индуцируемый обнаружением «несоизмеримости»). Несоизмеримо то, что не имеет «меры» – длина диагонали и сторона квадрата, площадь круга и квадрата, построенного на радиусе. Отношение соизмеримых величин выражается рациональным (!) числом, несоизмеримых – числом иррациональным (!). Отсюда: хаотичное – безобразное – безобразное как синоним небытия, лишено меры – безмерного – рационально невыразимого, непознаваемого, непонятного, абсурдного, дикого, этически гадкого, злого, предосудительного.

Космически-гармоническое впоследствии соединяется с онтологически эффективным, грациозным (лишенное напряженности, натужности, минимальное по затратности действие), работоспособным, достижительным, оптимально (не also!) устроенным, находящим достаточно содержательное толкование в структурно-функциональной совершенности. Предметные конкретизации мета-физической идеологии «красота природы – красота жизни» в полноте, взаимообусловленности частей в целом, наличии единства в многообразном – модели наименьшего действия (неорганика); адекватности, целесообразности живого (органика), – универсум природы; целеустремленности, целедостижимости (надорганика), – универсум «второй природы» – культуры.

Красота (прекрасное) онтологически собирательное, оценочное понятие, полученное отвлечением от множества признаков, параметров, свойств, отображающих согласованность, уравновешенность, конкретно научным эквивалентом которых выступает равноформие – изоморфия, являющаяся основой для понимания строения, архитектуры. Изоморфия – структурное подобие, одинаковость внутреннего устройства, устанавливаемое во взаимосоответ-

ствии. Эпистемическое выражение изоморфии – интерпретируемость (моделируемость) отношений системы S в отношениях подобной системы S' (евклидова модель неевклидовой геометрии). Онтологическое выражение изоморфии – общий принцип «идеального», «совершенного» устройства объекта, воплощающий симметрию, систему порядка.

Просматривается иерархия: симметрия растений обусловлена симметрией кристаллов; симметрия кристаллов – симметрией молекул, атомов; симметрия молекул, атомов – симметрией элементарных частиц. Прослеживаются количественные – мерные – зависимости строения раковин моллюсков (форма логарифмической спирали, соответствующая Φ , – закон гармонического возрастания); размеры строения тела животных соотносятся с отношением $\Phi^2/2$; рост тканей растений, характер листорасположения, упорядоченность чешуек на шишках сосны, рыб, пресмыкающихся описываются точными количественными отношениями (числа Фибоначчи, Вурфа); соответствующие показатели отличают совершенные архитектурные творения (учет золотого Вурфа).

Естественная организация и самоорганизация идет под стягами порядка, упорядочения (эффект оптимального заполнения пространства листьями, чешуйками), сообщающими ее продуктам гармонию, красоту. Природным красотам корреспондируют красоты познавательные, на открытие которых нацелена нервная система, склонная к «построению недвусмысленных, четких, правдоподобных, связанных, внутренне непротиворечивых, емких и компактных моделей окружающего мира, обладающих предсказательной силой. В этих моделях все должно укладываться в некую систему и ею же объясняться. Такая система должна сочетать два свойства: во-первых, выводимые из нее следствия должны выходить далеко за пределы известных фактов; во-вторых, в ней должно быть как можно меньше основных принципов или аксиом. Естествоиспытатели описывают подобную систему такими эпитетами, как «изящная», «мощная», нередко даже «красивая»; художники и философы добавляют еще и такие, как «адекватная», «верная», «правильная». Все это возможные значения греческого слова *калос*» [4, с. 79].

Красота истины. Форма получает значение через функцию, красота при воплощении «формы» получает значение через истину как функцию: только красивое истинно. Красота в познании – специфическая редакция императивов формы – редакция эпистемическая. В отличие от онтологической (природной) красоты эпистемическая красота атрибутируется экономичностью, простотой, изяществом, интегрированностью, компактностью, квалифицирующими продукты познания с точки зрения внутреннего совершенства, информативности, эвристичности, эстетической привлекательности.

Вселенная, Мир, Космос прекрасны субстанциальной красотой. Смысло-образные модели Вселенной, Мира, Космоса прекрасны красотой концептуальной. Концептуальная красота толкуется двояко:

1. Под эгидой идейной перспективности – красота «по идеалу». Принцип «тема и вариации», обслуживающий обзор возможностей. Красоте «по идеалу» отвечает интенция на объединение сценографий реальности ОТО и КТП (квантовая теория поля), закладывающая интригующую когнитивную базу квантово-полевой космологии, проливающей свет на космологическую проблему (происхождение, эволюция Вселенной: аутопоэзисные сущностные экстраполяции, воображительные сценарии возможного положения дел в пьесе глобального квантового самовозбуждения физического вакуума при воздействии гравитации).

Объективация подобной гармонизирующей интенции отмечает деятельность по оформлению ЕТП: безотносительно к экспериментальным данным отрабатывается унитарное понимание сущности физических полей в пределах общего взгляда на природу вещей, которая не может «упустить» материализации «красивой» возможности.

Как отмечает Пуанкаре: «Ученый исследует природу не потому, что она полезна; он делает это потому, что ею восхищается, а восхищается потому, что она прекрасна. Если бы природа не была прекрасной, ее не стоило бы познавать, а если бы ее не стоило познавать, не стоило бы и жить... Я имею в виду ту бездонную красоту, которая таится в гармоничном порядке составных частей и которую может уловить чистый интеллект... Речь идет, следовательно, об особой красоте, о чувстве гармонии космоса, заставляющем нас отбирать факты, наилучшим образом способствующие этой гармонии, как художник отбирает среди черт своей модели те, что сделают его картину совершенной, вдохнут в нее характер и жизнь» [11, с. 366–367].

2. Под эгидой идейной совершенности: красота «по мысли-образу». Кант противопоставлял «чувствование» и «постижение» – способности души получать знания «из созерцания» и «из понятия». Противопоставление навевало серьезное тематическое обострение: источник нового. С позиции качественной квалификации результатов обобщаем:

- являясь «копией», созерцание поставляет «тривиальное», – фундированная чувственностью, духовность суть имитаторство, копиистика;
- не являясь «копией», постижение поставляет «нетривиальное», – фундированная понятием, духовность суть сочинительство, эвристика.

Альтернатива «восприятие – понимание», «копиистика – эвристика» как базовая содержательная альтернатива толкования инновационного потенциала души блокировала развертывание удобоваримой доктрины творчества, закладывала пропасть изобразительных-неизобразительных видов «искусной» деятельности.

Так, на новом (начало XX в.) естественнонаучном материале апологетизирующий кантианство Гельмгольц противопоставлял живопись – музыке. Первая – (как бы в смысле якобы) воспроизводит зримое (созерцаемое); вторая, лишенная прообразов слышимой чувственной данности, – сочиняет [8].

Лишать художника причастия творчеству? Что может быть нелепее данной затее!?

Поправлявший Гельмгольца Кандинский отвергал созерцательно-подобную вторичность искусства, настаивал на использовании в живописи приемов музыки [9].

Решительную отповедь Гельмгольцу (через него Канту) давал Малевич, заявляя: «Прикладные изделия современной техники, которые создаются на основе хитроумного противопоставления одной естественной силы другой, не несут в себе ни малейшего следа «художественного» подражания формам природы; это новые произведения человеческой культуры.

Созданное художником-реалистом воспроизводит природу как она есть и представляет ее в виде соразмерного органического целого. В таком воспроизведении природы невозможно усмотреть никакого элемента творчества, поскольку элемент творчества можно найти не в неизменном синтезе природы как таковой, а в изменчивом воссоздании ее интерпретаций.

Когда художник творит, а не подражает, он самовыражается. Его произведения – не отражение природы, а новые явления действительности, ничуть не менее значимые, нежели явления самой природы.

Таким образом, изобретательный инженер, художник-творец и профессиональный «копиист» осуществляют три возможные формы созидательной деятельности. Творческое действие проявляется в работе как изобретателя, так и самобытного художника, имитатор же, будучи воссоздателем, обслуживает уже существующее.

Основой такого различия в деятельности служит... тот факт, что представления об окружающих нас вещах, основанные на информации от органов чувств, могут формироваться при участии разных мозговых центров и поэтому часто оказываются несходными между собой» [10, с. 13–14].

Итак, в любом виде творчества человек самореализуется продуктивно: изобретает, сочиняет, созидает, т.е. производит неподражательно (что, собственно, перекрывая универсум природы, обуславливает разворачивание универсума культуры; если творчество есть технология создания вне, – сверх, – над природного, без такой технологии нет культуры). Как было выяснено, производит – по аутопоэзисному продуктивному вымыслу. Иначе говоря: по «постижению», лишенному созерцательных коннотаций «понятию». Концептуальная магистраль «схватывать предмет без чувственного опосредствования» гносеологически перспективна: открывает простор продуктивной (в смысле «нетривиальность») теории творчества, но гносеологически же эфемерна: осложняет разработку продуктивной (в смысле: «предметная основательность») теории творчества, востребуя освещения внезапно радикализуемой фабулы «предметооправданность знания» (автоматически снимаемой наивно реалистической и кантовской гносеологией).

Ментальная креативность – содержательная пустота (измышленность)... Каков ключ снятия затруднения? Преодоление трудности – красота, – настаивает Брехт, своим эстетическим вторжением подсвечивающий первичным смыслом закон творения: все сотворенное – прекрасно, – упорядочено, гармонично. А потому истинно.

Мы далеки от того, чтобы сообщать сказанному некое креационистское толкование (то же гармоническое отношение $\Phi = \frac{\sqrt{5}+1}{2} = \frac{\sqrt{4+1}+\sqrt{1}}{\sqrt{4}}$ поддается магической интерпретации: магическая платформа Парацельса [5]; мистические платформы божественных деяний; сверхъестественного мастерства преобразования Arsmagica: «сначала творец (1) разъял себя и все сущее на полярные начала... (2), из них сформировал 4 сущности мироздания (2 полярные пары). Присовокупив себя к ним, создал число 5, символ жизни – творения (5). Разделив иррациональную величину $\sqrt{5}+1$ на 2 (единство двух полярностей), Бог явил золотую пропорцию основой гармонии творения Вселенной») [1, с. 341].

Мы обращаем внимание на глубокую корреляцию: прекрасное – плодотворное – законосообразно упорядоченное, гармоничное, – сверхсимвол истинного. Примем в расчет следующие диспозиции.

Красота в природе – сверхзнак оптимальности, целесообразности, достижительности, эффективности самостроения объективных структур. Красота в мысли – сверхзнак экономичности, простоты, эвристичности, импозантности самостроения субъективных структур.

Красота – симметрия, пропорциональность, соразмерность – в природе – показатель совершенства внутренней организации естественного предмета, полноценно реализующего свое субстанциальное назначение. Красота – симметрия, пропорциональность, соразмерность – в мысли – показатель совершенства внутренней организации искусственного («сочиненного» – «измышленного») предмета, полноценно реализующего свое концептуальное

назначение. Комплект гармонических связей обслуживает преимущества в действительном мире. Комплект правильных формобразных связей (неизменных при действии движений, зеркальных отражений) обуславливает преимущества в возможном мире.

Преимущества действительности – гармоническая стабильность; преимущества возможности – гармоническая изменчивость (с сохранением самождественности). Индикатором нужной нам гармонической «превращаемости» является симметрия, выражаемая абстрактным понятием инвариантности структуры объекта относительно его преобразований (группы автоморфизмов). Проведение модельных операций с установлением абстрактных соответствий инвариантности структурных свойств некоторым группам преобразований есть мощный эвристический прием, позволяющий из «соображений симметрии» – «по понятию» находить нетривиальные решения – «онтологически» гармоничные, эпистемически перспективные.

Принцип внутренней симметрии, системы взаимоотображений однотипных структур питал разработку теории категорий, функторов, топосов в математике, теории электрослабых и сильных взаимодействий в физике. Абстрактные соображения непрерывных групп симметрии устанавливают соответствие качественных и количественных характеристик объектов. Скажем: «Группами симметрий для электрослабых и сильных взаимодействий являются так называемые унитарные группы $U(1) \times Su(2)$ и $Su(3)$ соответственно. Каждая из них определяется как группа линейных преобразований комплексных векторов, сохраняющих их норму...» [6, с. 169].

Требование инвариантности законов природы общековариантным преобразованиям (выражающим группу симметрии пространства-времени) индуцировало установление свойств гравитационного поля; наличие отмеченной группы линейных преобразований комплексных векторов индуцировало установление калибровочных полей с заданными физическими свойствами.

Следование соображениям красоты мысле-образных конфигураций создает плацдарм расширения границ возможных миров посредством обследования посессива. Безусловно красивой (изящной, импозантной, предметно интригующей) оказывается ноэматическая возможность аутопоэзисного (формального) объединения частиц с разными спином и статистикой, намечающая магистраль новых соотношений симметрии между бозонами и фермионами. В самом деле: «обычные и грассмановы координаты в волновых функциях мультиплетов равноправны по отношению к перестановкам этих координат»; между тем «могут существовать и другие, более сложные совместные преобразования обычных и грассмановых координат, которые при требовании инвариантности теории относительно таких преобразований могут привести к нетривиальным физическим следствиям» [6, с. 172].

Императивы мыслительной оптимальности в лице требований компактности, простоты целеориентируют совершенствование суперсимметричных теорий поля, сталкивающихся с трудностями сценографирования реальности при увеличении (грассмановых) параметров преобразований.

Блокирование трудностей проводит внутритеоретический механизм «спонтанной компактификации пространств с размерностью $D = 4$ », что актуализирует идеи Калуцы – Клейна о допустимой многомерности реального мира с ненаблюдаемыми «избыточными» измерениями вследствие малости размеров ими образуемого пространства [6, с. 174].

Сказанного достаточно для резюмирующего суждения: адекватной моделью существа генеративных продуктивно-креативных актов мысли является модель аутопоэзиса, вводящая представление «само» (autos) «созидания» (poesis). Творческая статья мышления объяснима его внутренними способностями рождать новое из себя самого. Основа подобных способностей – умственное эвристичное сочинительство, – посредством автоморфичных самореферентных отображений-преобразований (синтетических варьирований) налаживающее структурообновительное само-взаимодействие по законам красоты.

Литература

1. Васютинский Н. А. *Золотая пропорция*. СПб.: Диля, **2006**. 366 с.
2. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, **2014**. 204 с.
3. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causafinalis*. М.: Проспект, **2017**. 272 с.
4. *Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики*. М.: Мир, **1995**. 335 с.
5. Парацельс. *О нимфах, сильфах, пизмеях, саламандрах и прочих духах*. М.: Эксмо, **2005**. 400 с.
6. *Философские проблемы оснований физико-математического знания*. Киев: Наукова думка, **1989**. 230 с.
7. Gombrich E. H. *The sense of order*. Oxford: Phaidon, **1979**. 411 p.
8. Helmholtz H. *Über die physiologischen Ursachen der musikalischen Harmonie // Vorträge und Reden*. Braunschweig, **1903**.
9. Kandinsky W. *Über das Geistige in der Kunst*. München: Piper, **1912**.
10. Malevich K. *Die gegenstandslose Welt*. München, **1927**.
11. Poincare H. *The Foundation of science*. New York: Science Press, **1913**. 579 p.

Поступила в редакцию 10.10.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.2

Intellectual catharsis

© V. V. Ilyin

Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Kaluga branch
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Russia.

Email: vvilin@yandex.ru

On the basis of the idea of autopoietic system of human perception and reasoning, the author of the article proves the identity of truth and beauty. This identity is detected in the result of the manifestations of the “mental catharsis” inherent in the heuristic activity of the subject. The activity of the thinking subject is regulated by a mechanism of mental ordering, where the streamlining by beauty (simplicity, heuristic, solemnity, compactness, etc.) takes first place. Beauty as excess of the limit has no logical basis, but it has systematic justification as a form complying its purpose. Purpose complying form is harmonious: ontologically this is manifested in the effectiveness, feasibility, and optimality as “vital force”; this is manifested epistemically in reaching the depth and perfection as “mental strength”. The formal aspect of “mental strength” is interpreted as logical isolation, the integration of thoughts, and coherence of parts in a whole. The content of “mental strength” is understood as synthetic system of elements combined in the unity of understanding. The unity of the understanding is the highest consolidation principle of thinking of the subject, based on the reasonable potency of the soul. Reasonable potency of the soul is emergent by its nature: the intelligence evolves by generating anticipatory concepts produced by creative autopoiesis, which develops promising ideas according to the laws of tropical connotative imagination-based approval. The operating mode of the imagination, intellectual browsing of possibilities, is supported by techniques of spontaneous changing the world, a phantasmagoric metamorphosis. That is a tropical unity of thought and speech material (devoid of paranoid doubling of the world), which becomes joint according to the laws of harmony and beauty.

Keywords: symmetry, harmony, perfection, simplicity.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Intellectual catharsis // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 5. Pp. 376–385.

References

1. Vasyutinskii N. A. *Zolotaya proporsiya [The golden ratio]*. Saint Petersburg: Dilya, 2006.
2. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya [Theory of cognition. Social epistemology. Sociology of knowledge]*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2014.
3. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causafinalis [Theory of cognition. Philosophy as a justification of absolutes. In search of causafinalis]*. Moscow: Prospekt, 2017.
4. *Krasota i mozg. Biologicheskie aspekty estetiki [Beauty and brain. Biological aspects of aesthetics]*. Moscow: Mir, 1995.
5. Paracelsus. *O nimfakh, sil'fakh, pigmeyakh, salamandrakh i prochikh dukhakh [A book on nymphs, sylphs, pygmies, and salamanders, and on the other spirits]*. Moscow: Eksmo, 2005.
6. *Filosofskie problemy osnovanii fiziko-matematicheskogo znaniya [Philosophical problems of the bases of physico-mathematical knowledge]*. Kiev: Naukova dumka, 1989.
7. Gombrich E. H. *The sense of order*. Oxford: Phaidon, 1979.
8. Helmholtz H. *Vorträge und Reden*. Braunschweig, 1903.
9. Kandinsky W. *Über das Geistige in der Kunst*. München: Piper, 1912.
10. Malevich K. *Die gegenstandslose Welt*. München, 1927.
11. Poincare H. *The Foundation of science*. New York: Science Press, 1913.

Received 10.10.2017.